

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. НОВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЖУРНАЛ

Первый вылет — второе рождение

...Гитлер готовился молниеносным ударом опрокинуть Норвегию с её железом и медью. А уж оттуда через лояльную Финляндию – на Ленинград. И ведь ещё недавно эта территория была Россией, но с объявлением Суоми суверенной город Ленина оказался на границе.

Советское правительство предлагало перенести линию раздела северней и за это отдавало территорию в несколько раз больше. Финляндия, чувствуя поддержку западного мира, стала вдруг неуступчива, заносчива, ответила решительным отказом! И при этом наращивала силы. Опоясалась оборонительной линией, приняла от друзей до пятисот новейших орудий, почти столько же самолётов и пулемётов больше полумиллиона.

Наконец, товарищ Сталин, пыхнув ароматным дымком «Герцеговины флор», обронил: «Ленинград нельзя отодвинуть от границы, значит, придётся отодвинуть границу». А коль штатские люди договориться не сумели, в спор должны вступить солдаты.

Январь, мороз под сорок градусов, деревья в лесу лопаются со звуком, похожим на выстрел. В кабине холодина – зуб на зуб не попадает. Но она была счастлива. Наконец-то в деле, наконец-то схватка за Отечество! Масло густеет, топливо с трудом поступает к двигателю. Всё, что связано с водой, грозит перемерзнуть и лопнуть. Техническая служба день и ночь с паяльными лампами в руках.

Но как странно ведут себя финны! Не верят в освободительную миссию РККА. Все вдруг превратились в националистов. Это, выходит, только мы готовы предоставить свои поля и реки, заводы и учебные заведения в распоряжение рабочих всего мира! На стороне Финляндии – английская авиация, фашисты-добровольцы. На своих самолётах финны рисуют кобальтом немецкие свастики. И каждый вылет советских эскадрилий сопровождается потерями. Катюшу, как единственную лётчицу на всём фронте, поначалу пытались задвинуть куда-нибудь в тёплое место, ничего у них не вышло!

На КП уточнили курс. Командир обвёл красным карандашом участок финской обороны: взломать, открыть путь пехоте! Вся сложность в том, что бомбить приходилось в темноте, практически без ориентиров – пойдёшь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Ночь лунная. Но при этом облачность. На бомбёжку уходили девяткой. Определили очерёдность.

Двигатель завёлся с первого контакта. Техники винтомоторного полка проявляли чудеса находчивости и выдержки – в любое время дня и ночи машины готовы к штурмовке. Давление, температура – в норме. Бомболуки заправлены авиабомбами и смесью КС. В турели лётчик-наблюдатель с пулемётом. Рукоятка управления работает упруго – рули отрегулированы, проверены. Мотор ревёт, сотрясая аппарат. Застегнула привязные ремни, опустила очки. В кабине хоть волков морозы!

– Летнаб, к взлёту готов?

– Летнаб к взлёту готов! – прогудело в переговорную трубу.

Самолёты выходили из укрытий, становились на взлёт. Обыкновенно разрешение дают тремя красными ракетами, теперь перешли на две зелёные – конспирация. А вот и они – взошла звёздочка, замерла над чёрным зубчатым лесом, постояла, рассыпалась изумрудными искрами. Катерина дала газ, привычно затрясло на неровностях, заснеженный аэродром оторвался, повернулся продолговатой тарелкой, встал на ребро – вернула рулём его на место. Самолёты шли бредущим полётом вдоль извилистой ленты речки, потеряй её – и никакими средствами не сыщешь цель.

Хорошо видна старая линия заграждения. Всё завалено снегом. Геометрические линии заборов – огороды. Какая мирная картинка. Видимость отличная – зима. Даже если тучи закроют луну, всё-таки цель не пропустишь. Проплыли, повернулись, улетели мимо укрепления. Проклинают, наверное, финны. Им в оба уха талдычат: «Русский медведь хочет забрать вас в свой колхоз!» Не опасность бы от фашистов Ленинграду, в жизнь никого б не тронули. Да и сейчас перед каждым вылетом политрук из кожи лезет: «Не вздумайте бросить боезапас на мирных жителей! Пойдёте под трибунал!»

Справа выплыло двойное озеро. Ведущий сделал эволюцию: готовься! Горкой взмыл на второй уровень высоты – началось! Сейчас выйдут насколько позволит низкая облачность и оттуда в пикирующем полёте на цель. Сбросила газ, самолёт, теряя скорость, вздрагивал как живой перед смертельным броском.

Ведущий завалился на правое крыло, вошёл в пике. Зеленко следом на хорошо видимые заваленные снегом доты, поймала и не отпускала из креста прицела. Первое в жизни боевое метание – выверить прицел до миллиметра! Стрелка высотометра сползла к пятистам, прошла риску четыреста, триста, двести – освободила бомболу! Решительно вышла в режим плоского полёта и дальше в горку – буквально влипая в бронеспинку, лицо будто сползло со скул к ушам. Потемнело в глазах, может, даже потеряла сознание. Мотор ревел на форсаже. Не успела. Забыла. Надо облегчить винт – спишишь мотор!

А наши уж выстроились на боевой курс, опять на бомбёжку, и будто бревном бодануло. Бросило в сторону, небо с землёй дважды поменялись местами, вывернуло на произвольную бочку, всё вертелось колесом, а ты в самом центре: стиснула зубы, повернула руль против вращения, и земля встала на место. Над нею и вокруг – фейерверк! Разрывы снарядов. Трассы зенитных пулемётов, пыльно-плоские лучи прожекторов мечутся, ищут, спинной мозг требует сию же секунду развернуть самолёт, убежать на спасительный аэродром.

Катя не взмолилась, а выругалась! Взяла руль на себя, взвилась к облакам, вошла в